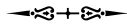

Содержание

Предисловие. Почему она была голой? 11

Часть первая ГАДКИЙ УТЕНОК

Дневничок	23
Проклятие Дьяконовых	29
“Крейцера соната”	39
Урод	40
Предмет первой необходимости	46
Бабушки	55
Толстой и Кронштадтский	60
В тюрьме	74
Шарлотта без Вертера	79
Сестры	90
Империя чувств	100
Мечь матери	110
Петербург слезам верит	115

Часть вторая
MIMOSA SENSITIVA

Мефистофель	131
“Вот я и здесь...”	134
Женская весна	138
Первые феминистки	146
Похороны Стасовой	152
Гревс и “бедный батюшка”	158
Петербургский ужас	169
Введенский	174
Свадьба Вали	181
Был ли мальчик?	190
Друзья народа	194
Что-то не так...	205
Грехи отцов	213
Больница	217
Проснулось сердце	223
Маша и Юргис	235
“Сектантка”	238
Быть женщиной	250
Дело Ветровой	254
Распустила волосы	268

Часть третья
РОМАН БЕЗ ГЕРОЯ

В Париж! В Париж!	273
Здесь и там	278
Катастрофа	283

Взойти на эшафот	290
Новое Средневековье	294
Игра слов	297
Скромный интерн	300
Смерть бабушки	305
P. S.	321
Обычный француз	326
С уважением, Ленселе	332
Пигмалионша	336
Цель романа	341
В отсутствие героя	343
Реинкарнация Башкирцевой	348
Что ты делаешь, Лиза?	349
Любовь против родины	354
Не дочь Альбиона	357
Чертков и другие	362
Негодяй	364
Кларанс	367
Она разделась	371
Неформалка	377
Бал у сатаны	380
Конец романа	385
P. S.	389

Часть четвертая
НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

Газеты	395
Лиза	397

Евпраксия	400
Мария.	403
Газеты.	406
Полиция	406
Юргис	407
Телеграммы	421
Надежда.	422
Франц	423
<i>Послесловие первое. Что это было?</i>	<i>427</i>
<i>Послесловие второе. Где живет Ланцелот?</i>	<i>435</i>
<i>Основные даты жизни Е.А. Дьяконовой</i>	<i>439</i>
<i>Библиография</i>	<i>445</i>

*Бьется лебедь средь зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет.
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил.*

А.С. Пушкин

Предисловие

ПОЧЕМУ ОНА БЫЛА ГОЛОЙ?

В августе 2004 года я бродил по центру столицы и зашел в книжный магазин “Москва” на Тверской. На стенде, где выложены мемуары и биографии, я увидел книгу: Елизавета Дьяконова. Дневник русской женщины. — М.: Захаров, 2004.

Меня привлекла фотография на обложке. В этой девушке было что-то от Мадонны и кающейся грешницы. Рассыпанные по плечам длинные волосы вызывали в памяти стихиры византийской монахини Кассии о блуднице, которые исполняются в православных церквях в Великий пост: *“Отпусти мои грехи, как я распустила свои волосы”*.

Но замечательнее всего был взгляд этой девушки. Когда мы говорим “декаданс”, то обычно понимаем под этим нечто изящное, утонченное. А декаданс — это упадок, болезнь. У Елизаветы Дьяконовой был больной взгляд. Очень тяжелый. И непреклонный. Было понятно, что эта девушка во всем пойдет до конца... Глядя на это фото, я сказал себе: “Вот портрет русского декадентства”.

Книгу я прочитал быстро, как говорят в таких случаях, запоем. Есть великие женские дневники. Например, дневник жены Л.Н. Толстого Софьи Андреевны. Есть женские дневники, без которых нельзя представить определенную эпоху, — дневник Елены Штакеншнейдер, этой удивительной горбуны, умницы, хозяйки литературного салона XIX века. Бывают женские дневники — как драгоценные камни. Они нуждаются в оправе, и она для них создается. Таков дневник художницы Марии Башкирцевой. Вокруг него сразу после его появления в печати стала возникать “атмосфера”. Марина Цветаева посвятила Башкирцевой свою первую книгу стихов. Иван Бунин, возможно, использовал ее образ при написании рассказа “Легкое дыхание”. Этот дневник заморозил художественную богему рубежа веков, стал одним из главных событий Серебряного века.

Есть женские дневники, после прочтения которых болеешь, а потом по-другому смотришь на жизнь, — “Блокадный дневник” Ольги Берггольц. А бывают женские дневники, злые к эпохе и людям, но точные в каких-то оценках, на которые не решился бы ни один мужчина, — дневник Зинаиды Гиппиус.

В любом случае женские дневники — это особого рода *литература*. Они сильно отличаются от дневников, написанных мужчинами. Женский дневник — это всегда куда более индивидуальный “случай”, нежели мужской дневник. Возможно, это происходит потому, что женский дневник отличается двойной рефлексией. Автор дневника по определению мужчина, так же, как сам дневник — мужского рода. Другое дело — записки. Они кокетливо прячут свой женский род во множественном числе. Дневник — серьезен и благороден. Записки — болтливы и необязательны. Записки —

личное дело, а с дневником возникают определенные “отношения”. Дневник — это “друг”, “спутник”, на худой конец — “приятель”. Но не “подруга” и не “приятельница”. Это — “он”, с кем делишься самым сокровенным. Самыми сильными, глубокими переживаниями.

О том, почему женщине это делать труднее, можно долго говорить, но нельзя рассуждать об этом вообще. Вообще можно предъявлять общие требования — объективности, достоверности и т. п. Но, поверьте, эти требования совершенно бессмысленны в отношении дневников — неважно, женских или мужских. Дневник не про это.

Да, конечно, дневник может служить свидетельством об эпохе и людях, но считать его настоящим документом эпохи может только наивный читатель. Скажу даже, что чем более достоверным и убедительным вам покажется такой “документ”, тем с большим подозрением нужно к нему относиться. И наоборот, самые правдивые дневники — те, что при первом чтении вызывают оторопь и сопротивление: нет, так не бывает! это неправда! Если вы сразу поверили тому, что написано в дневнике, не сомневайтесь: вас обманули.

Дневник Елизаветы Дьяконовой я перечитывал много раз: и в сокращенном “захаровском” варианте, и в полном издании В.М. Саблина 1912 года, которое сделал брат Елизаветы Александр Дьяконов, писатель и актер со сценическим псевдонимом Ставрогин. Я не понимал, что со мной происходит, но в течение двенадцати лет я постоянно возвращался к этому дневнику. Это было какой-то манией, болезнью. Тогда я стал рассказывать историю жизни Дьяконовой знакомым. И убедился, что в сухом пересказе содержимое дневника им представляется не слишком интересным, в то

время как мне оно казалось захватывающим, почти детективным!

Елизавета Александровна Дьяконова родилась 15 августа 1874 года в Нерехте Костромской губернии в небогатой купеческой семье. Лиза была старшей. После появления пятого ребенка семья лишилась отца. Вдова, мать семейства, вынуждена была продать дело покойного мужа и переехать в Ярославль к своим родственникам. Лиза училась при Сиротском доме в одной из лучших в Ярославле женских гимназий. Кроме того, ее обучали гувернантки и домашние учителя, благодаря чему она прекрасно знала французский язык и познакомилась с литературой, скажем так, не вполне отвечающей ее возрасту и нравам провинциального купечества. Мечтая о продолжении образования, Елизавета вопреки воле матери поступила на Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге, закончила их и отправилась в Париж. Два года она проучилась на юридическом факультете Сорбонны. В это время она безнадежно влюбилась в своего психиатра, который лечил ее от мучивших головных болей и быстрой утомляемости. Это было то ли результатом ее чрезмерного умственного и нервного напряжения, то ли последствием “греховой болезни”, возможно, наследственного сифилиса, доставшегося ей от покойного отца. Однако, несмотря на постоянные недомогания, девушка строила большие планы на будущее. Она хотела стать писательницей и активисткой женского движения, которое уже зародилось в России по примеру Англии и Франции. Но судьба сыграла с ней злую шутку. Летом 1902 года, в возрасте двадцати семи лет, Дьяконова поехала на каникулы в Россию, собираясь в “милой Нерехте”, в тишине, подготовиться к экзаменам за второй курс. По дороге она завер-

нула в Тироле, где в это время отдыхали ее родная тетка Евпраксия Оловянишникова, богатая вдова знаменитого ярославского купца, ее дочь и муж дочери, еще не известный поэт Юргис Балтрушайтис. Здесь, в австрийском Тироле, в окрестностях неопишуемой красоты озера Ахензее, случилось несчастье. Лиза одна пошла в горы в ненастную погоду и не вернулась. Ее безуспешно искали целый месяц, уже понимая, что найдут мертвое тело, но и его не могли найти и терялись в догадках. Наконец, тело девушки обнаружил случайный пастух на уступе водопада, причем рядом с гостиницей, из которой Дьяконова ушла в горы.

И здесь — внимание! Тело было совершенно *голым*, а одежда лежала недалеко аккуратно связанным узлом. Это последнее обстоятельство всех поразило даже больше, чем само исчезновение Елизаветы и ее гибель.

Чего не случается в горах с неопытными людьми... Возможно, это был несчастный случай. Может быть, она покончила с собой из-за неразделенной любви или своей болезни. Но почему она была *голой*? Предположить, что она решила искупаться, нельзя. По достоверным данным, в горах в это время выпал снег и температура была не выше +1°.

И вот, передавая знакомым историю Дьяконовой, я обратил внимание на то, что рассказывать ее необходимо с конца. И даже не с момента гибели девушки в горах, а со случайного нахождения ее тела. Но это, как вы понимаете, не отражено в дневнике, который был обретен после ее смерти и впервые опубликован братом в 1904 году в журнале “Всемирный вестник”. Если между дневником и гибелью есть какая-то связь (в конце дневника Дьяконова обещает покончить с собой), то загадочные обстоятельства нахождения ее тела уж никак не связаны

с дневником. Между тем именно они волнуют больше всего. Картина *голой мертвой девушки на краю горного водопада* вызывает гораздо больше вопросов, нежели любые подробности ее жизни, отраженные в дневнике.

“Почему она была голой?” — этот вопрос задавали мне все. Никто не спрашивал: почему Дьяконова так рвалась на Бестужевские курсы? Почему ее мать была против этого? Зачем поехала учиться в Париж? Как ее угораздило влюбиться в своего психиатра? Зачем пошла в горы одна? Не покончила ли с собой?

Почему она была голой?!

Дело в том, что все происходившее с ней до этого момента не просто объяснимо, но и в известной степени типично. Ничего удивительного, что провинциальная русская девушка конца XIX столетия мечтала об образовании. И, разумеется, девушке было трудно. Ее не понимали родственники, потому что она была девушкой и, по их представлениям, прежде всего невестой. Да, она смогла “выломиться” из своей среды, как говорили тогда. И даже поступила в Парижский университет. Еще и на юриста, что было в то время большой смелости шагом, даже для Франции.

Влюбилась в лечащего психиатра — ну, это уж совсем не удивительно. Скорее было бы странно, если бы она в него не влюбилась. В двадцать шесть лет, не имея ни мужа, ни жениха. С проблемной психикой. Как ей было не влюбиться в того, кто внимательно выслушивал ее жалобы и все же как-то ей помогал?

Пошла в горы одна, в плохую погоду. Хотя родня отговаривала. И тут все понятно. Скорее было бы странно, если бы ее уговорили. Ее родная мать не смогла уговорить не ехать в Петербург. А тут какие-то горы. И чтобы она их послушалась?

Несчастный случай в горах — частое явление. Был туман, заблудилась, упала с обрыва, пусть и невысокого, сломала ноги, болевой шок, разрыв сердца, смерть...

Страдала от безответной любви, не выдержала и покончила с собой, прыгнула с обрыва.

Почему она была голой?!

Сегодня мне становится даже смешно, что я столько лет не решался признаться самому себе в простой вещи. Именно вот этот, последний, поступок Лизы Дьяконовой и был *главным* в ее жизни. Все остальное было, разумеется, важным, серьезным и очень значительным с точки зрения изучения данной эпохи и конкретно — судьбы этой сложной девушки. Так и писала о дневнике Лизы русская критика, когда он вышел и вызвал целый шквал статей. Но ни один из этих критиков, даже умнейший Василий Васильевич Розанов, не решился задать один убийственный вопрос. Что было бы, если бы Дьяконова не погибла в Тироле, благополучно доехала до России и попыталась сама опубликовать свой дневник?

Что, если бы “Дневник русской женщины” (как она сама еще робко и не окончательно называет парижскую часть своей рукописи) был принесен в редакцию “Всемирного вестника” не братом русской девушки, *погибшей в горах Тироля и найденной совершенно голой на краю уступа водопада*, а самой студенткой Сорбонны Елизаветой Дьяконовой? Да, возможно, его бы и опубликовали. Но заметили бы?

Но представим себе и другой вариант. Пусть бы она и погибла и даже покончила с собой. Это было частое явление в те годы, когда девушки кончали с собой не только из-за несчастной личной жизни, но и как бы в знак протеста против своего бесправия в обществе. После “Бедной Лизы” Карамзина и Катерины в “Грозе”

Островского женская эмансипация в России проделала большой путь, в том числе в суицидальном плане. От времени до времени в газетах появлялись статьи о купеческих дочках, насильно выданных замуж и наложивших на себя руки сразу же после венца. Что нового сказала бы Лиза своим самоубийством?

Возможно, поэтому брат покойной, поначалу склонявшийся к версии самоубийства сестры, в предисловиях к отдельным изданиям дневника методично доказывал, что это был не суицид, а именно *несчастный случай*.

Да, если бы она покончила с собой, это была бы более чем странная история... Разделась, связала все вещи в узел и прыгнула ногами вниз с небольшой высоты...

Согласно полицейским протоколам и результатам вскрытия, на теле не было обнаружено никаких механических повреждений, кроме переломов ног в области голеностопа. Если Лиза не умерла немедленно от болевого шока, она должна была мучиться долго и ужасно! К счастью (если можно так говорить о смерти), она едва ли не умерла сразу, потому что в противном случае нечеловеческие вопли Лизы услышали бы из гостиницы.

Брат Дьяконовой приложил немало стараний, чтобы посмертная слава сестры не была связана ни с самоубийством, ни с сумасшествием. Для полного издания ее дневника он написал обширную статью “Смерть Е.А. Дьяконовой”, где выдвинул свою версию события. Лиза, заблудившись в горах, решила вернуться обратно кратчайшим путем по руслу ручья, который, как она знала, приведет к гостинице. Но ручей в конце склона обрывался уступами водопадов. Желая проделать этот крутой путь, девушка разделась до нижнего белья, чтобы не пу-